

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

ДИВЕРСАНТЫ СУДОПЛАТОВА

Из Погранвойск в Спецназ

Владимир Николаевич Першанин
Диверсанты Судоплатова.
Из Погранвойск в Спецназ
Серия «Война. Штрафбат.
Они сражались за Родину»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19569242

Владимир Першанин Диверсанты Судоплатова. Из Погранвойск в

Спецназ: Якуза; М; 2016

ISBN 978-5-699-90078-7

Аннотация

Новый фронтовой боевик от автора бестселлера «Пограничники Бери!»! Новые подвиги «зеленых фуражек», выживших в отчаянных боях 22 июня 1941 года. Их осталось совсем немного – один из ста, – но каждый из них стоит целого взвода Спецназа.

И теперь у бывших пограничников новый командир – легендарный «гений диверсий» Павел Судоплатов – и новое задание: возглавить разведывательно-диверсионный отряд, заброшенный в глубокий немецкий тыл, чтобы рвать вражеские коммуникации, пускать под откос воинские эшелоны, жечь автоколонны с боеприпасами, а главное – уничтожить

железнодорожный мост, жизненно необходимый Вермахту для наступления на Сталинград.

Этот стратегический объект под надежной охраной, и первая атака заканчивается провалом и тяжелыми потерями. Однако приказ необходимо выполнить любой ценой, а у пограничников и диверсантов один закон: погибаю, но не сдаюсь!..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	38
Глава 3	70
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Владимир Першанин
Диверсанты Судоплатова.
Из Погранвойск в Спецназ

Серия «Война. Штрафбат. Они сражались за Родину»

© Першанин В. Н., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1

Отряд капитана Журавлева

Немецкий эшелон, которого напряженно поджидали, остановился на разъезде, не доехав километра до засады. Вместо него, постукивая на рельсовых стыках, появился мотовоз – платформа с будкой и дизельным двигателем, переоборудованная немцами в патрульный броневагон.

Капитан Журавлев, лежавший рядом с Николаем Мальцевым, положил руку на ствол его «дегтярева» и шепнул:

– Передай по цепочке – никому не высовываться.

Старший сержант кивнул и, повернувшись к снайперу Грицевичу, негромко передал команду. Диверсионная группа из пятнадцати человек замерла.

Появления мотовоза не ожидали. Обычно перед каждым воинским эшелоном дорогу проверяла дрезина с патрулем из четырех-пяти солдат железнодорожной охраны. Два дня назад такая дрезина проехала, не заметив закопанный обрезок трубы, имитирующий мину.

Но мотовоз – не дрезина. За дорогой внимательно наблюдали офицер с биноклем и несколько саперов. Патруль двигался с небольшой скоростью и остановился, не доезжая шагов пяти до мины нажимного действия. Было слышно, как шипели тормоза, а броневагон сдал метров на десять назад.

– Увидели! – с досадой сжал кулаки капитан Журавлев.

Два пулемета, один из них крупнокалиберный, разворачивали стволы. Расчеты, укрытые за металлическими бортами, изготовились к стрельбе. Обер-лейтенант, старший экипажа из 10–12 человек, раздавал негромкие команды.

Трое саперов во главе с унтер-офицером спрыгнули вниз и осторожно двинулись вдоль насыпи, направляясь к подзрительному месту.

Мальцев смахнул со лба пот. Происходило что-то непонятное. Как они могли заметить небольшую, хорошо замаскированную мину? Впрочем, опытный глаз способен различить место, где переворошили и заново разровняли щебень. Николай подтянул поближе «дегтярев» и снял предохранитель.

Дальнейшие события разворачивались стремительно и не так, как этого ожидали капитан Журавлев и его люди.

С платформы ударили оба пулемета. Гулко, как в пустое ведро, молотил короткими очередями крупнокалиберный «машингевер». Его тяжелые пули гудели, разламывая толстые сухие ветки защитной полосы из спиленных еще весной деревьев.

Второй пулемет, новый «МГ-42», бил с характерным рычащим звуком, выпуская двадцать пуль в секунду. Его траектории проносились пучками, оставляя клубящееся крошево земли и древесины, рикошетили от камней, уходя в осеннее небо, покрытое облаками.

Хлопали винтовочные выстрелы, вели огонь несколько автоматов. Группу спасала предусмотрительность капитана Журавлева. Он выбрал место для засады в ста пятидесяти метрах от насыпи, хотя командир разведки партизанского отряда Аркадий Снитко предлагал залечь поближе.

– Когда состав кувыркнется, можно крепко по фрицам врезать. У нас ведь два «дегтяря» плюс ваши автоматы. Опять-таки в суматохе трофейным оружием можно разжиться.

Насчет оружия разведчик нес заведомую чушь. Любой эшелон, даже с фуражом или второстепенным грузом, сопровождали как минимум взвод охраны и две-три зенитные установки. Да и насчет «кувыркнуться» вряд ли бы получилось. Хотя на фронте у немцев дела шли неплохо, в здешних лесных местах составы сильно не разгонялись. В лучшем случае опрокинутся вместе с паровозом несколько головных вагонов. Из остальных выскочат стрелки железнодорожной охраны, откроют огонь зенитки – мало не покажется.

– Рыжие все такие мудрые? – усмехнулся капитан. – Пострелять не терпится? Да ты на героя и не похож.

У Журавлева имелись основания так говорить. Хотя рыжеволосый, в кубанке со звездой и кожаной куртке, Аркадий Снитко выглядел браво. Даже имел трофейный автомат, один из немногих в партизанском отряде. Капитана поддержал его заместитель, старший лейтенант Федор Кондратьев:

– Ближко к насыпи лезть не надо. Дай бог, чтобы заряд

рванул нормально. Если в составе цистерны, достанем их и отсюда зажигательными пулями.

Оба пулемета замолкли, и немецкие саперы стали осторожно ворошить щебень стальными щупами. Действовали они грамотно, опасаясь противопехотных мин. Но и долговязый старлей Кондратьев был далеко не новичком. Чтобы первая диверсия на «железке» не сорвалась, Федор заложил в насыпь вторую мину натяжного действия. Ее немцы пока не заметили, и находилась она рядом с броневагоном.

– С эшелоном не получится, – тронул он за плечо Журавлева. – Рванем мотовоз, пока он на mine стоит.

– Давай, – отозвался после короткой паузы капитан.

Мина натяжного действия – штука примитивная и опасная в применении. Зато довольно надежная. Хитростей в ней немного. Самое главное – натянуть замаскированный шнур и выдернуть чеку.

По условному сигналу сапер Степа Пичугин, спрятавшийся в семидесяти метрах от насыпи, потянул шнур. Ему в операции отводилась самая опасная роль. Требовалась минута или две, чтобы натянуть замаскированный шнур и выдернуть чеку.

Николай Мальцев видел, как младший сержант Пичугин по прозвищу Воробей быстро подтягивал шнур. При этом он невольно высунулся из-за поваленной сухой березы. Его могли увидеть в любой момент и открыть огонь. Ситуацию понимали все, а шнур, как назло, продолжал растягиваться,

оставляя Воробью все меньше шансов на благополучный отход.

– Мальцев, Грицевич, огонь! Гасите пулеметы, –скомандовал Журавлев.

Снайпер Василь Грицевич уже держал на мушке первого номера из расчета крупнокалиберного «машингевера». Он выстрелил в тот момент, когда пулеметчик разглядел русского диверсанта и склонился к своему массивному «МГ» калибра 13 миллиметров.

Пуля ударила в край щита и ушла рикошетом в небо. Пулеметчик, слегка оглушенный ударом бронебойной пули, ответил неточной очередью.

Николай Мальцев успел дать короткую пристрелочную очередь по второму пулемету, когда Пичугин дернул туго натянутый шнур. Раздался негромкий хлопок сработавшего запала, а спустя пять секунд взорвалась мина, усиленная брусками тола.

Поднялся фонтан земли и щебня. Мощный заряд вывернул рельс вместе со шпалами. Броневагон встряхнуло и накренило. В какой-то момент он едва не перевернулся, но левое переднее колесо застряло между треснувших шпал и удержало платформу.

Она застыла, накренившись под углом двадцать градусов. Двоих солдат сбросило на щебень, оба пулемета пока молчали, их расчеты приходили в себя. Обер-лейтенант, удержавшийся за поручень, отдавал быстрые команды. Он бы навер-

няка сумел организовать отпор, но белорус Грицевич, поймав его в оптический прицел, выстрелил точно.

Офицер в серо-голубом френче продолжал держаться за поручень. Повыше левого нагрудного кармана расплзлось темное пятно. В этот момент открыла огонь вся группа. Мальцев хорошо видел расчет «МГ-42», двоих солдат, мостившихся на перекошенной площадке и уже наводивших свой скорострельный пулемет в цель.

В них стрелял не только Мальцев, но и Журавлев из своего «ППШ», давая возможность добежать до безопасного места Степану Пичугину.

Трое немецких саперов, опытные и расторопные солдаты вермахта, успели залечь за рельсами и вступили в бой. Три карабина били неторопливо и прицельно. Их размеренные выстрелы отличались от беспорядочной стрельбы, которую вела оглушенная сильным взрывом команда броневана.

Взрыв потрянул его крепко. Крупнокалиберный «машингевер», кажется, вышибло из станка. Расчет «МГ-42» пытался вести огонь, но очереди шли неточно. Один из солдат, брошенный взрывом, лежал неподвижно. Второй полз по насыпи вниз. Пуля ударила его в спину. Но, даже получив тяжелое ранение, он еще сильнее заработал локтями, стремясь укрыться в траве у основания насыпи.

Журавлев понял, что атаковать и добить броневан с его оглушенной командой надо именно сейчас.

– Грицевич, прикрывай! Остальные в атаку!

Снайпер Василь Грицевич кивнул и поймал в прицел пулеметчика, развернувшего, наконец, свой скорострельный «МГ-42». Звякнула пробитая каска. Немец качнулся и, вскрикнув от боли, сорвал ее, зажимая ладонью рану.

Оба пулемета молчали, однако атака группы складывалась скомканно. Унтер-офицер свалил пульей в грудь молодого партизана. К нему кинулся его брат. Разорвал гимнастерку и, увидев сквозную пузырящуюся рану, стал звать на помощь. Застыл еще один партизан. Пуля вырвала клочек телогрейки на боку, он присел.

Пограничники из отряда Журавлева бежали, стреляя на ходу. В основном это были опытные бойцы, но их продвижение замедлила полоса спиленных деревьев, защищавшая подходы к железной дороге.

Старший лейтенант Кондратьев, рослый, широкоплечий, проламывался как бульдозер через сушняк, ломая толстые ветки и матерьясь.

– Ребята, не отставайте! Сейчас мы их, тварей, прижмем.

Унтер-офицер с карабином, считая, что это главный в шайке лесных бандитов, раз за разом стрелял в него, но промахивался. Пуля перебила ложе автомата Кондратьева, полоснула по скуле, но это лишь подстегнуло старшего лейтенанта.

Николай Мальцев, пробившись сквозь сплетение деревьев, дал очередь по тройке саперов во главе с активным унтер-офицером.

Пули звенели о рельсы, крошили щебень, заставляя стрелков вжиматься в насыпь. Опустел диск. Сержант заметил его на запасной, но в этот момент ожил «МГ-42» на платформе. Выскочивший вперед пограничник из новичков стрелял быстрыми очередями, пытаясь достать пулеметчика. Гильзы сыпались веером, отблескивая в лучах выглянувшего солнца.

– Женька, ложись! – крикнул Мальцев, передергивая затвор «дегтярева».

Но восемнадцатилетний боец особого отряда НКВД «Застава» продолжал нажимать на спуск. Поединок с немецким пулеметом «МГ-42» на расстоянии ста шагов выиграть трудно. Трасса прошла поперек живота, подломив тело парня.

– Ребят бьют, паскуды! – кричал Федор Кондратьев, выскакивая на открытое место.

Возможно, он бы стал следующей целью скорострельного «МГ-42», но снайпер Грицевич сумел ранить пулеметчика, а Мальцев прижал очередями тройку стрелков, спрятавшихся за рельсами. Кондратьев, бросив перебитый на две части «ППШ», добежал вместе с несколькими бойцами до насыпи.

Сразу три-четыре гранаты полетели в платформу, две взорвались за насыпью, где залегли немецкие саперы. Унтер-офицер, с окровавленным лицом, без каски, поднял карабин. Он ненавидел эту страну, в которой воевал уже второй год. Большевиков, евреев, коммунистов... всех, кто мешал быстрой победе в затянувшейся войне.

На мгновение его взгляд встретился с глазами светловолосого русского сержанта с пулеметом в руках. Они нажали на спуск почти одновременно, но Мальцев на секунду опередил унтер-офицера. Пуля из карабина взвынула над головой, а очередь «дегтярева-пехотного» прошила тело немца в нескольких местах, опрокинув на откос.

Николай Мальцев вместе с подоспевшим Степаном Пичугиным и двумя партизанами тоже побежал к броневагону. Рыжий разведчик Снитко, приотстав, осторожно приблизился к тому месту, откуда вели огонь немецкие саперы.

Один был убит, двое тяжело ранены. Они едва шевелились, но могли выстрелить в спину. Снитко добил их короткими очередями и быстро обыскал. Сдернул вместе с поясом и кобурой пистолет унтер-офицера, снял двое часов, третьи были разбиты. Сунул в карман зажигалку, портсигар, складной нож, затем подобрал несколько гранат-колотушек с длинными рукоятками.

Посмотрел на добротные сапоги унтера и теплую куртку. Подступают холода, одежда и обувь очень пригодятся. Пробежавший мимо снайпер Грицевич окликнул его:

- Ты чего застрял? Бой еще не кончился.
- Гранаты вот собирал.

Белорус с винтовкой наперевес быстро и неприязненно оглядел Снитко.

- Бегом к платформе!
- А ты что за командир?

Но Василь уже спешил к броневagonу. Бой подходил к концу. Почти вся команда патрульного мотовоза была перебита. Трое немецких солдат бежали по направлению к разъезду. Отступали они грамотно, перебежками, стреляя из автомата и карабинов.

Вслед им летели пули, но солдаты то появлялись, то исчезали среди поваленных деревьев и еще густого сентябрьского кустарника. Шипя, взлетела вверх красная ракета, следом еще одна – сигнал тревоги. Впрочем, на разъезде были хорошо слышны выстрелы, и с минуты на минуту могла подоспеть подмога.

Аркадий Снитко, прячась за платформой от пуль, открыл огонь из своего «МП-40» и несколькими торопливыми очередями опустошил магазин. Ответная очередь прошла россыпью, пули звякнули о металл. Одна, разрывная, хлопнула, раскидав в стороны крошечные осколки. Разведчик отшатнулся и достал из-за голенища запасной магазин.

– Сволочи, чуть пулю не словил!

– Тоже повоевать решил? – насмешливо спросил Василь Грицевич, пристраиваясь рядом со своей снайперской винтовкой. – Не трать патроны, фрицев уже не достанешь. Иди собирай шмотки, пока дружки не расхватали.

– Ты за кого меня принимаешь? – возмутился разведчик. – Я...

Сержант, не дав ему договорить, выстрелил в убежавших немцев. Угодил автоматчику в ногу. Когда передернул за-

твор и снова прицелился, остатки патруля исчезли среди деревьев. А в перекрестье оптического прицела появилась дрезина, облепленная солдатами.

– Товарищ капитан, дрезина в километре. На ней человек семь фрицев.

– Вижу, – отозвался Журавлев. – Собрать оружие, боеприпасы и прочее. Уходим...

Девять человек торопливо шагали, углубляясь в лес. Там их ждала подвода, куда погрузили тела двух погибших и тяжело раненного. Молодой партизан смотрел на мертвое тело брата и плакал.

Сам он был ранен в бок. Пуля перебила ребро, сквозь повязку проступала кровь. Было жалко погибшего старшего брата, сильными толчками отдавалась боль в глубокой ране, и подступал страх, что он тоже умрет.

– Будешь жить, – успокоил его санитар-пограничник. – Легкое не задето, а ребро зарастет. На, хлебни спиртику, легче станет. Давай-ка я тебе под голову шинель подложу.

Мальцев и Грицевич прикрывали отход группы. Обстреляв дрезину, они заставили ее остановиться. Немецкие солдаты вели огонь из пулемета и винтовок. Двигаться дальше по открытой насыпи они не рискнули. Один из них был ранен и лежал за дрезиной. Но стрельба была не точной, солдаты не рисковали поднимать головы, прячась за рельсами. Они видели, что перед ними снайпер, вступать в поединок с которым опасно.

Огромным костром на разорванных рельсах горела бронеплатформа и разлившаяся солярка, а вдоль насыпи продвигался взвод охраны воинского эшелона. В основном солдаты старшего возраста, которые не слишком рвутся под пули.

Однако этот взвод был обозлен на партизан. Они знали, как гибнут и получают увечья солдаты охраны при подрыве эшелона. Их поддерживали два пулемета. Охранники, рассыпавшись цепью, торопились окружить «лесных бандитов».

Николай Мальцев вставил в пазы последний оставшийся диск и позвал старого товарища:

– Пошли, пока нас в кольцо не взяли. От взвода фрицев мы не отобьемся, а наши уже далеко.

Грицевич согласно кивнул. Сделав еще один выстрел, захлинул оптический прицел.

– Маленько повоевали, – кивнул он на разбросанные тела немецких солдат. – Для начала неплохо.

Вслед торопливо уходившим бойцам бил пулемет с дрезины, кроша ветки и рассыпая свист пуль над головой. Надо было спешить, чтобы их не отрезали от леса.

Разведывательно-диверсионный отряд капитана Журавлева, сформированный на базе 4-го управления НКВД СССР, был заброшен в немецкий тыл в один из последних августовских дней сорок второго года.

Положение на фронте складывалось тяжелое. Шестая армия Паулюса вышла к Волге и, окружив Сталинград, упорно

пыталась ворваться в разрушенный бомбардировками город. Бои за Сталинград превратились в решающую битву Отечественной войны. Никогда еще враг не проникал так глубоко в просторы нашей страны.

После многомесячной осады и ожесточенных боев немцы захватили Севастополь. Шли бои на Кавказе, где вермахт рвался к морю, нефтяным промыслам, и уже был водружен флаг со свастикой на Эльбрусе, главной вершине Кавказа. В кольце блокады оставался Ленинград, а на Кольском полуострове линия фронта застыла в 80 километрах от Мурманска, важнейшего северного порта.

Войну Иван Макарович Журавлев встретил в Прикарпатье, где командовал пограничной заставой. Здесь на рассвете 22 июня принял первый бой, а затем более месяца прорывался из окружения.

Позже командовал ротой по охране особо важных объектов, сформированной из пограничников. Когда немцы приблизились к Москве, рота была переброшена на передний край и участвовала в боях, где погибла и выбыла по ранениям половина личного состава. В июле сорок второго Журавлева и часть его пограничников направили в учебный центр под Истрой, где готовили отряды и группы для борьбы в немецком тылу.

Здесь пришлось переквалифицироваться. Учились взрывному делу, прыгали с парашютов, постигали особенности партизанской войны. Хотя многие пограничники, как и сам

Журавлев, воевали с 22 июня сорок первого года и приобрели опыт боев в тылу врага и во время прорыва из окружения.

На курсах учились старшина Будько, сержанты Мальцев, Грицевич, Орехов, служившие под началом капитана Журавлева на шестой заставе Прикарпатского пограничного отряда. Туда же был зачислен лейтенант-сапер Федор Кондратьев, получивший позже звание старшего лейтенанта.

Учеба была рассчитана на три месяца, но уже спустя пять недель Журавлева вызвали к начальству. Здесь, к своему немалому удивлению, он был представлен начальнику 4-го управления НКВД Павлу Анатольевичу Судоплатову.

В то время этот молодой руководитель, занимавший высокую должность в Наркомате внутренних дел, был известен лишь в узком кругу сотрудников НКВД и высшего руководства Красной Армии. Пограничники, которые входили в ведомство НКВД, тоже мало знали об этом человеке.

В начале войны в составе НКВД была создана особая группа для проведения разведывательно-диверсионных операций в тылу врага и руководства партизанским движением. Начальником группы был назначен Судоплатов. Получасовой разговор крепко врезался в память Журавлеву.

Старший майор госбезопасности (звание, соответствующее генеральскому) Судоплатов говорил с ним предельно откровенно, и многое сказанное стало для капитана-пограничника неожиданностью.

– Иван Макарович, вы назначаетесь командиром особого

разведывательно-диверсионного отряда. Будете воевать во вражеском тылу.

Растерявшийся Журавлев спросил невпопад:

– На парашютах в немецкий тыл прыгать будем?

– Вас это пугает? – с легкой усмешкой спросил Судоплатов. – Судя по вашей биографии, вы такие испытания прошли, что подобные пустяки вас не страшат.

– Конечно, – только и оставалось ответить бывшему начальнику заставы.

– Вы в курсе, как обстоят дела с партизанским движением в тылу у немцев?

– Судя по газетам, неплохо. Народные мстители наносят постоянные удары и всемерно помогают Красной Армии.

Павел Анатольевич Судоплатов перебил Журавлева:

– Не надо общих фраз, мы не на собрании.

И коротко обрисовал обстановку. Он прямо заявил, что, несмотря на бодрые доклады начальника штаба партизанского движения Пономаренко, Государственный Комитет Оборона не удовлетворен действиями партизан в ряде оккупированных областей. Отряды разрознены, как правило, немногочисленны, и особой активности большинство из них не проявляет.

– Судить их строго не будем, – продолжал Судоплатов. – Мы многое не учли, хотя перед приходом немцев практически в каждом районе были созданы отряды из числа коммунистов и комсомольцев, отставных военных. Зиму сорок

первого – сорок второго года многие отряды не пережили.

Судоплатов рассказал, что немецкие власти организовали на оккупированной территории обширную систему полицейских участков и многие из них действуют довольно эффективно. На службу пришли люди, недовольные советской властью, зачастую ненавидящие ее: раскулаченные в свое время крестьяне, бывшие участники белого движения, репрессированные.

Большинство из людей, помогающих немцам, рассчитывают на обогащение, но немало и тех, кто пришел по идейным мотивам. Весной сорок второго года на службу в немецкие структуры пришло также большое количество бывших красноармейцев и даже командиров Красной Армии, не сумевших пробиться к своим во время отступления сорок первого года.

– Или не захотевших, – после короткой паузы добавил Павел Судоплатов. – Они надеялись отсидеться, и какое-то время им это удавалось. Но затем им поставили условие – либо лагерь или отправка на работу в Германию, либо служба в полиции. Недооценивать эту систему нельзя. Полиция отлично знает местность, кто чем дышит в их селе или городе. Мы потеряли многие подпольные организации, их ликвидировали в первые месяцы и даже недели оккупации. Партизанские отряды буквально обложены, в них засылают агентов абвера, вербуют предателей из военнопленных и местных жителей. Батальоны немецкой военной полиции, комен-

дантские роты, специальные команды СС, тыловые войска регулярно проводят облавы, используя авиацию. Введена система круговой поруки, когда за смерть немецкого солдата или диверсию расстреливают местных жителей, сжигают их дома.

Все это Журавлев частично знал. Опасаясь за свои семьи и не желая «дразнить» оккупационные власти, значительная часть партизанских отрядов попросту затаилась. Их деятельность ограничивается расклейкой листовок и мелкими диверсиями.

– Конечно, этого мало, – сказал Судоплатов. – Положение, в котором мы оказались, предельно точно отражено в приказе товарища Сталина № 0227 «Ни шагу назад». Приказ касается и войны в тылу врага. Отряды, созданные на базе бригады особого назначения НКВД СССР, активно действуют с октября прошлого года. Мы продолжаем формировать новые отряды, одним из которых будет ваше подразделение. Вы будете действовать в лесах южнее Брянска, примерно в двухстах тридцати километрах от линии фронта. Можно назвать эти места ближним тылом – они насыщены войсками, аэродромами, здесь находятся резервные немецкие части. Давайте глянем на карту.

Судоплатов очертил карандашом треугольник, где скрещивались участки железных дорог, идущих на Орел, Сумы и к линии фронта.

– В этом треугольнике наблюдается интенсивное передви-

жение немецких войск. Отрезки железных дорог длиной от ста сорока до ста восьмидесяти километров. Участок вроде обширный, но блокирован со всех сторон железной дорогой. А это не только насыпи и рельсы, но и целая система гарнизонов, укреплений, мобильных патрулей. С юга на север ваш будущий участок пересекает река Десна. Ближайшая задача после переброски в немецкий тыл – укрепиться на базе партизанского отряда «Сталинцы», вести разведку и развернуть активные диверсии на железной дороге и автомобильных трассах.

– Какой численностью будет отряд?

– Около тридцати человек. Именно столько могут перебросить два самолета «Ли-2», включая груз. Кстати, определите название вашего отряда.

– Пусть будет «Застава». Я командовал пограничной заставой, многие из моих товарищей погибли в первые недели войны, но костяк сохранился.

– Согласен, – кивнул Судоплатов. – Название неброское, без лишней громогласности. Подумайте насчет заместителя.

– Старший лейтенант Кондратьев. Опытный сапер, прорывались вместе из окружения. Энергичный, толковый командир.

– Пусть будет так. Со своей стороны я направляю в ваш отряд лейтенанта НКВД Авдеева Виктора. Вы его знаете.

– Знаю. Он работал в особом отделе нашего пограничного отряда. Тоже пробивался из окружения. Авдеев будет еще

одним заместителем?

– Скорее помощником. Его главная цель – вести оперативную работу. У него свои задачи, но дело у вас одно. Развернуть активные боевые действия на порученном участке. Формирование каждого такого отряда находится на особом контроле руководства НКВД. Постараемся обеспечить вас всем необходимым, в том числе рациями, взрывчаткой, экипировкой.

В течение недели капитан Журавлев с помощью Федора Кондратьева и Виктора Авдеева укомплектовал отряд. Ему помогали пограничники, с кем он служил еще в Прикарпатье: старшина Будько, сержанты Мальцев, Грицевич, Орехов, Фролов.

С экипировкой вопросы решались быстро. Могущественное ведомство Лаврентия Бериі располагало качественной материальной базой. Журавлеву выделили мины, взрывчатку, два ручных пулемета, необходимое количество автоматов, запас патронов и продуктов.

В то тяжелое время бойцы Красной Армии были обуты в ботинки с обмотками, потрепанное обмундирование, поношенные шинели. Старшина Будько получил тридцать утепленных комбинезонов, сапоги, новую красноармейскую форму, бушлаты, плащ-палатки и все необходимые мелочи, включая полотенца, нитки с иглками, запасное фланелевое белье.

Трудности возникли с набором специалистов. Если с са-

перами-взрывниками вопрос решился быстро, то с трудом отыскивали врача.

Журавлев помнил, какой сложной проблемой было спасение раненых в период выхода из окружения летом сорок первого года. Прислали, наконец, выпускницу Саратовского мединститута, почти не имевшую опыта.

Темноволосая девушка, сидевшая перед ним, достала диплом, удостоверение о сдаче норм ГТО, комсомольский билет. Будущего отрядного врача звали Малеева Наталья. Она была в аккуратно подогнанной форме, на петлицах медные кубики младшего лейтенанта.

– Имя у вас красивое. Как в поэме Пушкина, – отпустил неуклюжий комплимент капитан Журавлев.

– У Пушкина в поэме «Евгений Онегин» девушек звали Татьяна и Ольга. А жену поэта – Наталья.

Ивану Макаровичу Журавлеву, прослужившему тринадцать лет на границе и воевавшего с 22 июня сорок первого года, не слишком понравилось замечание. Служба не оставляла ему времени на книги, хотя читать он любил.

– Какие хирургические операции вы делали, товарищ младший лейтенант?

– Я больше ассистировала.

– Ну хоть рану зашить сумеете?

– Смотря какая рана. Наверное, сумею.

– А раненых, значит, не оперировали? – допытывался капитан.

– Нет. Планировали двухмесячную практику в военном госпитале, но ее в последний момент отменили. Сказали, что есть более важное дело.

– С парашютом прыгали?

– Два раза.

Журавлев вспомнил хирурга пограничного окружного госпиталя Наталью Викторовну Руденко, энергичную, хорошо знающую свое дело. Этой девушке до нее далеко, а в отряде предусмотрен единственный врач. Ему и оперировать, и больных лечить, а понадобится – и зубы дергать.

– Ладно, можете быть свободны, товарищ ассистент.

– Вы что, меня выгоняете?

– Я такого права не имею. Но в тылу врага вам придется столкнуться с пулевыми и осколочными ранениями, пробитыми легкими, ампутацией конечностей. Сумете справиться? Это не пистолет-игрушку в красивой кобуре носить.

У Натальи Малеевой был пистолет Коровина калибра 6,35 миллиметра, для боевых действий малопригодный из-за слабого патрона.

– Какой выдали, такой и ношу.

В общем, первый разговор закончился ничем. Зато начальник курсов, к которому пришел просить другого врача Журавлев, решительно вступился за молодую женщину:

– Более опытного специалиста я тебе не найду. А Наталья – молодец. Учится и одновременно в нашей санчасти работает. Парня с открытым переломом ноги удачно опериро-

вала, главврач ее хвалит.

С хирургом вопрос решили. Но вскоре прислали двух радисток. Узнав, что в ближайшие дни предстоит выброска в немецкий тыл, одна из них откровенно испугалась. По совету особиста Авдеева капитан Журавлев попросил из резерва другую кандидатуру.

– Из говна пулю не слепишь, – сплюнул Авдеев. – Не дай бог в плен угодит, все выболтает.

Особист имел моральное право судить людей. Летом сорок первого, во время боев в окружении, он не раз прикрывал отход бойцов, направлялся на самые сложные участки. Однажды в одиночку поджег гранатами немецкий бронетранспортер и перебил экипаж.

А насчет радисток Журавлев, Кондратьев и Авдеев имели короткую жесткую беседу с подполковником, одним из заместителей Судоплатова.

– В плен ни одна из них попасть не должна. Полностью исключено. У девушек шифры, коды. За ними идет особая охота службой абвера. Обеспечьте им постоянную охрану. Если немцы или полицаи кого-то схватят живьем, немецкая разведка немедленно начнет радиоигру, пойдет дезинформация. А это – огромные потери на фронте. Вам троим напоминать не буду, что для вас лично плен также исключен. Приравнивается к предательству. Ясно?

– Куда уж понятнее, – усмехнулся Журавлев.

А Федор Кондратьев, неприязненно оглядев подполков-

ника, огрызнулся:

– Если нет доверия, зачем тогда посылаете?

– Доверие есть, – глядя на долговязого старшего лейтенанта с тремя нашивками за ранения и орденом Красной Звезды, ответил тот. – Но напомнить нелишнее. Слишком много пустых слов говорили и докатились до Волги. Под Сталинградом батальоны за считанные дни целиком гибнут. А в тылу у фрицев о жалости и милосердии забудьте. Там эти понятия не существуют. По другую сторону черты остаются.

Выброска отряда «Застава» прошла, как это часто случается, не слишком удачно. Второй транспортный самолет «Ли-2», или «Дуглас», как их чаще называли, был поврежден зенитным снарядом. Группа из четырнадцати человек была вынуждена прыгать, не долетев до условленного места.

Этой группой командовал Федор Кондратьев.

– Куда прыгать? Людей погубите, – спорил он с пилотом. – Дотяните еще хоть километров тридцать.

Но тихоходный «Дуглас», имевший скорость 320 километров в час, трясло от вибрации, правый двигатель работал с перебоями.

– Промедлите еще, все вместе грохнемся! – кричал пилот. – Двигатель издыхает, а у меня полный груз на борту. Еще не известно, дотянем ли назад.

Пришлось прыгать в темноту. А спустя несколько минут ночь озарилась вспышкой загоревшегося двигателя. Сумел

ли спастись экипаж «Дугласа», Кондратьев так и не узнал.

К рассвету старший лейтенант собрал одиннадцать человек. Стали искать пропавших десантников. Одного нашли со сломанной ногой, второй исчез бесследно. Сумели найти также лишь один из трех грузовых парашютов, а затем на след группы вышел патруль полевой жандармерии.

Патруль был усиленный. Человек шесть-семь немцев на вездеходе «БМВ» и трое на тяжелом мотоцикле «Цундапп» с пулеметом в коляске. Кондратьев принял решение в бой не вступать и спешно уходить в глубь леса.

Для прикрытия оставил пулеметчика с «дегтяревым» и хорошего стрелка Фролова Михаила, из спортсменов. Невысокий крепкий парень занимал еще на довоенных соревнованиях первые места по стрельбе из автомата и метанию гранат.

Саперы успели поставить несколько противопехотных мин. Толком замаскировать их не успели, но разогнавшийся «Цундапп», торопясь догнать русских парашютистов, налетел на мину. Разнесло колесо и ранило осколками двоих мотоциклистов.

Водитель идущего следом вездехода остановился, а пулеметчик вместе с Михаилом Фроловым открыл огонь. Сумели поджечь зажигательными пулями двигатель «БМВ» и вывести из строя еще одного преследователя.

Однако силы были неравные. Солдаты из роты полевой жандармерии имели опыт борьбы с парашютистами и парти-

занами. Несмотря на потери, они прижали плотным огнем обоих бойцов, убили пулеметчика, а Фролова попытались взять живым, целясь в ноги и руки. Сержант-пограничник, тоже не новичок, сумел вырваться из кольца, получив два ранения.

До места дислокации партизанского отряда «Сталинцы» группа Кондратьева добиралась четверо суток, вступив еще дважды в бой. Выбрались всего семь человек, половина первоначального состава группы. Сумели спасти радистку и рацию, но почти все в группе имели ранения, а патроны и гранаты – израсходованы.

Командир партизанского отряда Бажан Илья Карпович встретил Журавлева и его людей внешне гостеприимно. Однако во взглядах и словах таилась настороженность.

Отряд с начала лета дислоцировался в глухом урочище и тщательно охранялся двойным кольцом постов. Были вырыты добротные землянки, имелись кухня, баня. Некоторые партизаны жили с семьями.

Численность отряда «Сталинцы» составляла сто сорок человек, не считая трех десятков женщин и детей. Внешне отряд выглядел хорошо организованным боевым подразделением: штаб, три стрелковых взвода, хозчасть, взвод разведки, отделение подрывников. В замаскированных окопах стояли два пулемета «максим», а после утреннего развода один из взводов, иногда сразу два получали боевое задание и уходили на его выполнение.

Журавлеву было рекомендовано еще на Большой земле разместить свой отряд НКВД хоть и в пределах партизанского лагеря, но отдельной группой со своим собственным распорядком дня. Проводить совместные боевые операции, но в первую очередь организовать наблюдение за железными и автомобильными дорогами, выяснить численность и расположение немецких гарнизонов.

Первая неделя прошла спокойно. Бойцы Журавлева вели разведку и по приказу капитана никаких боевых действий не вели. На Большую землю были отправлены две радиogramмы о передвижениях немецких войск, сведения о гарнизонах.

Все бойцы Журавлева носили общевойсковую военную форму. При встречах с местным населением это должно было показать, что Красная Армия активно действует в немецком тылу и не прячется. В середине сентября с самолета был сброшен груз и получены противотранспортные мины.

Одновременно пришла радиogramма с приказом провести диверсии на железной дороге. Среди груза находились листовки с призывом к партизанам и жителям оккупированной советской территории вести активную борьбу с врагом. Это были обычные призывы, но в короткой шифрограмме, полученной Журавлевым, прямо говорилось: «В Сталинграде идут уличные бои, положение сложное. Требуем активизации боевых действий».

Взрывники Кондратьева уже наметили места для подрыва железной дороги и эшелонов, следующих к фронту. Но

неожиданно возник спор с командиром отряда «Сталинцы» Бажаном, который советовал не спешить и тщательно все продумать. Диверсии на дорогах сразу привлекут внимание немцев. Последуют карательные операции, под угрозой будет поставлен партизанский отряд.

Журавлев понимал, что без помощи Бажана и его партизан отряд «Застава», еще не закрепившийся и малочисленный, не сможет действовать достаточно эффективно. О чем говорить, если все его люди находятся на довольствии у Бажана!

Журавлев видел, что партизаны активности не проявляют. Желая убедить его в обратном, капитану показали журнал учета боевых действий.

Однако записи в них, несмотря на старания и изворотливость начальника штаба, капитана Лугового, из окруженцев, не сумевших выйти к своим в сорок первом году, лишь укрепили мнение Журавлева и его помощников – «сталинцы» действуют с оглядкой и довольно пассивно.

Перечислялись в основном такие операции, как обрывы телефонных проводов, расклейка листовок, агитационно-разъяснительная работа. Лишь в августе появились записи о взорванных мостах и обстрелах немецких колонн. Указывались и результаты: «Сгорели две автомашины, предположительно убиты двое немцев и трое полицаяев».

– Хорошо бы глянуть на эти сгоревшие машины, – тут же среагировал особист Авдеев.

– Вы мне не верите? – изобразил обиду начальник штаба.

– Вы полгода прятались в деревне и лишь с весны числитесь в отряде. Пишете гладко, но результаты хотелось бы посмотреть.

– Немцы собирают всю сгоревшую технику и увозят на переправу.

– И те два грузовика увезли?

– Наверное...

Журавлев, слушая, как изворачивается начштаба, не выдержал и прямо заявил Илье Бажану:

– Это же фикция! Немцы к Волге вышли, в Сталинграде жестокие бои, а ты весь год провода обрываешь да листовки расклеиваешь. Два немецких грузовика сжег, да и те показать не можешь.

Бывший директор совхоза возмутился:

– Ты кто такой, чтобы нас судить? У меня не армия, а всего лишь партизанский отряд, который борется с фашистами как может. А сколько раз мы из облав выбирались! С полициями схватывались, сколько хороших ребят похоронили.

Вмешался особист Авдеев, которого Бажан побаивался:

– В Сталинграде бойцы насмерть сражаются. В окружении дерутся, роты и батальоны за считанные дни тают, а клятва у них такая: «За Волгой для нас земли нет!» Меняй свои взгляды, Карп Иваныч.

– Илья Карпович, – возмущенно поправил его Бажан. – Ильей меня зовут!

Дело было в том, что перед войной директор совхоза Бажан, среди прочих дел, занялся разведением карпов в совхозном пруду. Любил он закусывать водку жареным карпом, за что и получил прозвище Карп Иваныч, которое его очень обижало. Все же заслуженный руководитель, орден Трудового Красного Знамени ему сам Калинин вручал.

– Да хоть груздем назови, – распалился лейтенант Авдеев. – Но с фашистами не бороться, а воевать надо. Другое поведение приравнивается к предательству. Читал обращение товарища Сталина к партизанам и партизанкам? Чего молчишь?

Илья Карпович Бажан сидел багровый от прилившей к лицу крови и не мог подобрать нужных слов от возмущения. Его, члена обкома партии, орденосца, обвиняют чуть ли не в предательстве.

– Угомонись, Виктор! – вмешался Журавлев. – Надо спокойно все обсудить. Думаю, товарищ Бажан ситуацию понимает.

Но выдохнувший, наконец, ком из горла партизанский командир ляпнул совсем не то:

– Вы чей хлеб едите? Кто вас три раза в день кормит? Забыли?

Журавлев прищурился и спокойно заметил:

– Мы к тебе не в гости приехали, а налаживать эффективные удары по врагу. Приказ о проведении боевых операций на железной дороге относится и к вашему отряду. Он подпи-

сан руководством НКВД и представителем штаба партизанского движения.

Понемногу успокоились, поужинали, выпили вместе. А через несколько дней провели первую операцию на «железке». Хотя и не совсем удачную, но патрульный броневagon и девять немецких солдат во главе с офицером были уничтожены.

Пока немцы обезвреживали вторую мину, ремонтировали полотно, участок железной дороги был закрыт на сутки. На разъезде и ближайших станциях скопилось десятка полтора эшелонов.

Журавлев передал по радиации сведения о них на Большую землю, и на одну из станций обрушился авианалет. Не густо было у нас в то время авиации. Но командование Брянского фронта не могло упустить такую цель и задействовало восемнадцать пикирующих бомбардировщиков Петлякова, почти весь бомбардировочный полк.

«Пе-2» несли по полторы тонны авиабомб и не свернули с цели, пикируя на немецкие эшелоны, хотя с земли дружно ударили по ним счетверенные 20-миллиметровки и тяжелые зенитки «восемь-восемь».

Два бомбера не вышли из пике, пробитые плотными трассами. Еще один самолет взорвался вместе с экипажем, угодив под прямое попадание 88-миллиметрового снаряда.

Остальные «Пе-2» (или, как их чаще называли, «пешки») высыпали несколько десятков авиа-бомб разного калибра.

Не буду преувеличивать мощь удара пятнадцати бомбардировщиков с их не слишком великой бомбовой нагрузкой, но в тяжком для нас сентябре сорок второго это был неплохой удар.

Горел эшелон с боеприпасами и обмундированием. Взрывы разносили на части вагоны. Огонь перекинулся на платформы с танками и штурмовыми орудиями. Одни машины сгорали прямо на платформах. Другие, сброшенные на землю, лежали на боку или вверх гусеницами. Часть танков успел вывести со станции немецкий машинист-паровозник.

Не повезло эшелону с пехотным полком, переброшенным из Нормандии в Россию. Впереди Волга, разрушенный Сталинград, победа! Полторы тысячи солдат и офицеров с их уверенностью в победе, новыми противотанковыми пушками, скорострельными пулеметами «МГ-42» («пила Гитлера»), еще не успевшие переварить французский сыр и сардины, оказались в капкане полыхающей безымянной станции, так и не добравшись до Волги.

Те, кто уцелел после взрывов авиабомб и пулеметного огня с неба, задыхались и падали от жара горящего бензина, их добивали обломки взрывающихся вагонов и осколки детонирующих снарядов.

Но и авиационно-бомбардировочному полку пришлось не легче. Еще две «пешки», получившие многочисленные пробоины, рухнули в лес, а к месту приземления уцелевших летчиков спешили грузовики, мотоциклы с эсэсовцами, подво-

ды с полицаями.

Лишь шесть устаревших истребителей «И-16» прикрывали полк. Когда авиагруппу догнали «Мессершмитты» с ближайшего аэродрома, «ишачки» вступили в неравный бой.

Безнадежно устаревшие деревянные «ястребки», уступавшие по всем показателям «Мессершмиттам», загорались и падали вниз один за другим. Никто из них не уклонился от боя. Шли в лобовые атаки, один «И-16» пошел на таран. Все шесть истребителей погибли, сумев сбить три «мессера», и дали возможность дотянуть до своего аэродрома десяти уцелевшим, издырявленным бомбардировщикам.

Дорогой ценой платили мы в сорок втором году даже за небольшие победы.

Глава 2

Он вчера не вернулся из боя...

Так пел Владимир Высоцкий, остро, каждым своим обнаженным нервом ощущавший боль той войны.

«...Ти-ти-та-та-ти» – работала на прием одна из раций в отряде Журавлева. Командование просило подтвердить результаты бомбового удара по станции.

Принять радиограмму легче. А собрать сведения, а затем отправить ответную шифрограмму куда тяжелее.

На разъезде, возле которого уничтожили патрульный броневagon и были убиты девять немецких солдат во главе с обер-лейтенантом, расстреляли двенадцать заложников. Еще три десятка, включая женщин и подростков, отправили в концлагерь.

На станции, где потери не доехавших до фронта солдат исчислялись сотнями, а офицеров – десятками, местное отделение гестапо и «айнзатцкоманда» действовали куда более жестоко.

На площади у небольшой трибуны, где до войны проходили первомайские и ноябрьские демонстрации, повесили шесть коммунистов и комсомольцев, подозреваемых в причастности к диверсиям и связях с Красной Армией.

Повешение далеко не самая гуманная казнь. Люди зады-

хаются, дергаются в петле бесконечно долгие две-три минуты и дольше, пока ломаются шейные позвонки и прерывается дыхание. Агония выгибает тела как в страшном танце. Скрученные за спиной руки пытаются разорвать веревку, и все это видят люди, которых согнали на площадь. Страшное зрелище, оно должно отбить всякую охоту бороться с врагом.

Подвалы полицейского участка забиты арестованными, многих уже вывезли за город и расстреляли. На улицах усиленные патрули, прочесывающие дом за домом.

Это важно – собрать сведения о немецких потерях и сообщить о них на Большую землю. В сентябре сорок второго мы не только отступали, но и наносили ощутимые контрудары. Ценой жизни двоих местных подпольщиков были собраны нужные сведения и даже добыты удостоверения нескольких солдат из полка, который так и не добрался из Франции в Сталинград.

Теперь необходимо передать по радиации сообщение. И это не просто. Работающая в партизанской землянке радиостанция и расхаживающий рядом озабоченный командир – это картинка из кино. Служба радиоперехвата была поставлена у немцев четко. Вышедшие на связь радиостанции пеленговались быстро и точно. Поэтому передачи осуществлялись на значительном удалении от места дислокации отрядов.

Радистку Новикову Дину сопровождали пятеро. Ее постоянный охранник сержант Костя Орехов, еще один погранич-

ник из отряда Журавлева и трое партизан во главе с командиром разведки Аркадием Снитко.

Переносная радиостанция «Север» имеет диапазон работы пятьсот километров и весит вместе с батареями питания 14 килограммов. Это немалый вес, но Дина несла радиостанцию сама. Костя Орехов со своей самозарядкой «СВТ» шел рядом.

С момента посадки на самолет он являлся ее постоянным спутником, что поначалу не нравилось девушке. Она знала, что в немецком тылу это вынужденная и необходимая мера. Радисток оберегали со всей тщательностью, а охрану для них подбирали из самых опытных и надежных бойцов.

Поэтому Орехова освободили от должности командира отделения и редко брали на задания, хотя он считался одним из лучших стрелков в отряде «Застава», а воевал с 22 июня сорок первого года.

Им было обоим по девятнадцать лет. Дина фыркала, когда сержант провожал ее до ручья и усаживался неподалеку с винтовкой на коленях. Она мыла волосы и поддразнивали Костю:

– Ты бы еще поближе сел, а то не все разглядишь.

– Нормально, – невозмутимо отвечал сержант Орехов. – Десять шагов – оптимальное расстояние.

– Я раздеваюсь, – объявляла Дина. – Не верти головой в мою сторону.

Костя машинально оглядывался на голос и тут же отвора-

чивался, увидев обнаженную женскую грудь. В небольшом селе Сухая Терешка в глубинке Саратовской области парни, как и везде, встречались с девушками. Целовались, и ласки порой заходили далеко за пределы, дозволенные родителями. Грехи молодых обычно покрывала свадьба.

Костя тоже дружил с девушкой, но все осталось по ту сторону. За год войны судьба порой сводила сержанта со случайными подругами, и его не смущала раздетая девушка за спиной. А Дина снова дразнила своего спутника:

– Спинку мне потрешь?

– Потру, – поднимался Костя, закидывая винтовку за спину.

– Ой, не надо! Я пошутила.

– Нужное дело, – шагал к ней сержант. – С грязной спиной, что ли, ходить будешь?

Дина подчинялась, закрыв грудь. Прикосновения крепких рук, которые то ли терли, то ли ласкали спину, заставляли ее вздрагивать, напряженно дыша.

– Ну вот, нормально, – оглядывал он стройную фигуру девушки. – Пониже потереть не надо?

– Не надо. И хамить тоже...

– Я хамлю? – удивлялся всегда спокойный Костя Орехов.

– Терпеть не могу всякие намеки.

Костя молча сворачивал самокрутку и курил. Дина подсаживалась к нему и расчесывала темные волосы. После нескольких минут, не выдержав, спросила:

– Обиделся, что ли?

– Чего на тебя обижаться. Строишь из себя невесть кого от безделья. А я тебя охранять должен. Вот почет мне оказали!

Вскоре оба мирились. Костя ей нравился. Высокий, крепко сложенный, в отряде его уважают. Заводили разговор о жизни, придвигались друг к другу.

Вечера проводили вместе, а спустя короткое время отношения стали совсем близкие. Обсуждали планы на будущее, а Дина порой вздыхала и жаловалась:

– Костя, мне беременеть никак нельзя. Нас предупредили, что это приравнивается к дезертирству. Комиссар на курсах так и говорил: «Вас полгода на радисток учат, всякие секреты, шифры доверяют, а некоторые, не успев отучиться, уже ребенка ждут».

– Дезертирство! Чушь все это, – фыркнул сержант Орехов. – Ты же не с посторонним встречаешься, а со своим боевым товарищем.

– Костя, ты как маленький. Мы уже не просто встречаемся. Как муж с женой живем, а ты про каких-то боевых товарищей ерунду несешь. Разлюбил меня, да?

– Сама ты ерунду городишь. При чем тут разлюбил? Ты же прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь. Если бы было можно, я бы и родителям про тебя написал.

А вскоре Орехова вызвал к себе Журавлев и отчитал:

– Тебя младшего сержанта Новикову охранять поставили, а ты чем занимаешься? Нам радиосвязь как воздух нужна, а

вы в любовь играть вздумали.

– Мы не играем, а действительно любим друг друга.

Капитан смотрел на сержанта в упор, а тот, не отворачиваясь, сверлил злым напряженным взглядом своего командира, с кем воевал вместе с сорок первого года. Журавлев понял, что вести на эту тему дальнейшие разговоры бессмысленно. Орехов, как и Мальцев, Грицевич, был его лучшим бойцом, на которого он мог рассчитывать в любой сложной ситуации.

Остывая от приступа злости, подумал, что и сам он не ангел. Где-то в эвакуации находится жена, а у него с врачом Натальей Малеевой тоже отношения отнюдь не служебные складываются.

– Ладно, иди, Костя. Только обойдитесь, если можно, без подарков... хотя бы с полгода, пока отряд на ноги не встал.

– Мы понимаем, – начал было объяснять Орехов, но Журавлев лишь отмахнулся:

– Иди и выполняй свои обязанности. Береги радистку. Такой вот состоялся неприятный разговор.

По просьбе Бажана группа во главе с Ореховым выбрала для передачи шифрограммы место в пятнадцати километрах от базы, где находились оба отряда.

– Береженого Бог бережет, – рассуждал Илья Карпович Бажан. – Чем дальше от отряда, тем безопаснее.

– Для кого? – вступил было с ним в спор старший лейтенант Кондратьев. – Для вас, конечно. А группа из шести че-

ловек двое суток в отрыве от основных сил находиться будет.

– Пятнадцать верст туда, пятнадцать – обратно. За день обернутся.

– На войне по прямой не ходят, – огрызнулся Федор Кондратьев. – Осторожный ты, Илья, дальше некуда.

– Поэтому и отряд сохранил. Ну, если пятеро сопровождающих для радистки мало, можно еще двоих-троих ребят добавить.

– Ничего добавлять не надо, – возразил Журавлев. – Это уже толпа получится.

Хоть старшим в группе считался Костя Орехов, но путь выбирал командир разведки Аркадий Снитко. Шли ускоренным шагом, обходя дороги и открытые поля. Километра через три Орехов забрал у Дины рацию.

Слишком тяжелый груз для девушки, шагавшей в кирзовых сапогах, с пистолетом «ТТ» на поясе, гранатой «Ф-1», фляжкой с водой и скатанной плащ-палаткой на случай дождя.

В сотне метров впереди шел семнадцатилетний проводник-разведчик Саня Гречихин, хорошо знавший лес. Иногда он останавливался, рассматривал чьи-то следы, подзывал Снитко, своего командира, и они коротко совещались. Группа ждала. Орехов, не выдержав, высказал Аркадию:

– Чего туда-сюда бегаешь? Впереди идти боишься?

– Группу я веду. Мне виднее, кому впереди, а кому позади шагать.

Аркадий Снитко, красноармеец одного из стрелковых полков, попал в окружение в сентябре сорок первого года и, не надеясь прорваться через линию фронта, остался в одной из деревень.

Зиму прожил спокойно в примаках у одинокой солдатки. Война, отступление, трупы на дорогах, гибель почти всей его роты ушли куда-то далеко. Под Москвой фрицев крепко поколотили. Появились листовки, что Красная Армия успешно наступает и к концу сорок второго года с фашистами будет покончено.

Однако наступление к весне выдохлось, а к Снитко приехал начальник волостной полиции Шамраев. Широченный в плечах, рослый, он был из местных. В двадцать девятом году его раскулачили, и он долго пропадал где-то в сибирских краях.

Оглядел опрятную горницу, потолстевшего от сытой жизни Аркадия Снитко и хрипло проговорил застуженным на лесоповале голосом:

– Хорошо устроился. А ведь тебя по закону как сержанта Красной Армии в лагерь положено отправить. Или надеешься, что ваши вернутся?

Предложил пойти на службу в полицию. Даже не предложил, а скорее приказал:

– Выбора у тебя нет. Либо к нам, либо в лагерь.

Солдатка ситуацию временно уладила. Аркадий, мол, от раны еще не отошел. Что-то сунула полицаям.

– Долго не раздумывай, – уходя, предупредил его Шамраев, которого чаще называли за глаза Шамрай.

Решительный и безжалостный был мужик, потерявший в ссылке половину своей большой семьи. Поэтому немцы его начальником полиции и поставили. Однажды он поймал двух раненых лейтенантов-окруженцев. На них выплеснул всю накопленную злость. Не раздумывая, разбил им прикладом головы, даже не заряжая винтовки.

Участвовал в расстрелах заложников, связывая круговой порукой свой полицейский участок. И сейчас, уходя с подворья, где жил Снитко, вдруг обернулся и, почти не целясь, послал из «ТТ» пулю под брюхо собаке, которая лаяла на незваных гостей. Пес, взвыв с перепугу (почуял смерть), забился в конуру и замолчал. А Шамрай добродушно заметил:

– Не шути со мной, Аркашка. Когда надо, не промахнусь. Прямо в лоб пулю словишь.

Напуганный не меньше пса, младший сержант Снитко долго раздумывал. Имелась возможность уйти к партизанам – на это намекал один из соседей, видимо, связанный с ними. Тоже риск...

Враждебным и неудобным казался мрачный холодный лес. Но и в предателях числиться не хотел. Далеко не глупый и рассудительный, Аркадий Снитко, бывший мастер мелькомбината в Таганроге, нутром чувствовал, что немцы завязли в России крепко. Хвалились к концу лета сорок первого Москву взять, но получили пинка. Не верилось, что смогут одо-

леть огромную страну, несмотря на свои танки и самолеты.

Когда припекло окончательно, с помощью местных подпольщиков перебрался в отряд к Бажану. Тот брал к себе далеко не каждого. Но Снитко, мужик грамотный и в военном, и в техническом отношении, был для отряда полезным человеком. Поспешное бегство в лес обернулось для семьи, в которой он жил восемь месяцев, большой бедой.

Обозлившийся Шамрай нагрянул в деревню вместе со своим помощником Трегубом и десятком полицаев. Похватили нескольких окруженцев, двоих комсомольцев, подозреваемых в связях с партизанами.

Деда, хозяина подворья, где жил Снитко, расстреляли здесь же, у ворот, а дом сожгли. Жену (или подругу) куда-то угнали вместе с арестованными. Говорят, позже умерла в лагере. Но Аркадий Снитко ее уже не вспоминал. Быстро прижился в отряде, был расторопный, уважал начальство и вскоре занял должность начальника разведки.

Батяка Бажан (любил, когда его так называли) слишком не рисковал, немцев и полицаев старался не дразнить, и в партизанах жить было можно. Отряд не голодал, под пули не гнали, но как снег на голову свалился этот отряд НКВД или пограничников – черт их разберет. Спокойная жизнь кончилась, а сейчас шли с рацией, рискуя нарваться на засаду.

Если попадутся – добра не жди! Наличие рации уже говорило о связях с советским командованием. Шкуру живьем снимут, а допытаются, что и как. Поэтому хмуро и озабочен-

но шагал Аркадий Снитко и не слишком рвался вперед.

Часа через четыре добрались до места. На лесистом холме Дина Новикова развернула рацию, а парнишка-партизан Саня Гречихин ловко, как кошка, вскарабкался на березу и поднял повыше провод-антенну. Где-то за триста с лишним километров находилась приемная радиостанция – далеко не предельное расстояние для портативной рации «Север».

Однако близость немецких частей, насыщенный переговорами эфир позволили Дине Новиковой связаться со своими лишь через час, когда уже истекало предусмотренное для нее время.

– Тише... кажется, поймала позывные.

Короткий обмен паролями, и тонкие пальцы девушки начали отстукивать запрошенные сведения. По данным разведки, на станции уничтожено в результате авианалета и последующего пожара более сорока вагонов, платформ, три паровоза. Сгорело двадцать грузовиков, девять танков, около десятка цистерн с горючим. Точные потери в живой силе установить не удалось, но ориентировочно немцы потеряли двести человек убитыми, а в полевой госпиталь доставлено триста сорок раненых, контуженных, обгоревших солдат и офицеров.

Разбиты бомбами три тяжелые зенитки, разрушено не меньше километра железнодорожных путей. Среди населения ходят слухи о готовящемся наступлении Красной Ар-

мии.

Получив подтверждение, Дина приняла благодарность командования и записала шифром основные задачи для отряда «Застава» на ближайшее время. Сообщали также, что следует подготовить место для приема группы бойцов и грузовых парашютов.

Все. Работа на сегодня окончена. Дина сняла наушники и вытерла платком мокрое от напряжения лицо. Костя Орехов следил за подходами к холму в оптический прицел. Когда стали сворачивать рацию, подошел и обнял девушку за плечи:

– Все нормально?

– Нормально. Когда сводку составляли, Иван Макарович некоторые цифры увеличил. Чего, мол, фрицев жалеть!

– Ну и правильно. Какие новости с Большой земли? Сталинград держится?

– Сталинград держится, а остальное доложу Журавлеву.

Теперь надо срочно уходить с места передачи, где-нибудь перекусить и решать: ночевать в лесу или возвращаться в темноте в отряд.

Остановились в молодом сосняке. Радиосвязь с Большой землей – дело важное, и продуктов для группы не пожалели. Домашний, хорошо пропеченный хлеб, сало, картошка, кусок вареной лосятины и молоко во фляжках. Спиртное брать с собой Журавлев запретил.

Но появилась откуда-то фляжка самогона, настоящего на

бруснике. Почему бы не выпить за удачный налет на станцию и уничтоженный броневаягон? Отодвинулась куда-то война, молодые ребята и красивая радистка Дина Новикова с аппетитом закусывали, оживленно переговариваясь.

Хороший выдался день, какие бывают бабьим летом в середине сентября. Легкий теплый ветерок, ярко-зеленые в лучах вечернего солнца сосны. Тихо в лесу, будто и нет войны.

Сменился постовой, достали еще фляжку самогона.

– Не возражаешь, командир? – для порядка спросил сержанта Орехова Аркадий Снитко. – Чего там одна фляжка на шестерых?

– Наливай, – согласился Костя.

Приняли решение ночевать здесь. Ночью по лесу трудно шагать, ребята устали, да и спешки особой нет. Костер не разводили, долго лежали на прогретой за день сосновой хвое, говорили о том о сем, вспоминали анекдоты, смеялись вполголоса.

Костя и Дина лежали рядом вместе со всеми, смотрели на звезды. Август – сентябрь – пора звездопада. Успей загадать желание, пока за короткие секунды сгорает звездная пыль. Одно у всех желание: победить и выжить на этой войне и чтобы жили долго-долго близкие люди.

Только трудно угадать, что будет с тобой через несколько часов или через неделю. Война набрала в полную силу свои страшные обороты. Лучше не загадывать о будущем...

Было ли ошибкой решение заночевать в лесу, никто те-

перь судить не может. В темноте, да еще с тяжелым грузом идти через лес, холмы, пересекать дороги тоже опасно. Многого решает судьба. Возможно, группе сержанта Орехова просто не повезло. Да и трудно говорить о каком-то везении во вражеском тылу.

Они двинулись в путь, когда едва начало светать. Шли быстрым шагом, надеясь через три-четыре часа дойти до партизанского лагеря.

В это же время на опушке леса у пересечения проселочных дорог устраивались в засаде четверо полицаев во главе с заместителем начальника волостной полиции Геннадием Трегубом. После нападения на патрульный броневаягон и бомбежки скопившихся на станции немецких эшелонов полицию обязали постоянно дежурить в местах возможного появления партизан и людей в красноармейской форме.

У немецких спецслужб имелись сведения о выброске в тыл группы диверсантов, возможно, из ведомства НКВД. Однако точные данные отсутствовали, их требовалось добыть. А для этого взять кого-то из парашютистов или партизан живьем.

Дороги контролировались механизированными группами полевой жандармерии и комендантской службой. На станции была расквартирована рота СС, которая уже несколько дней подряд прочесывала вместе с полицаями подозрительные места, отдаленные хутора и устраивала засады.

Трегуб пришел в полицию в конце осени сорок первого года. Он был таким же окруженцем, осевшим, как многие другие, в селах Брянщины. Но Трегуб был командиром, лейтенантом, и на него обратили внимание в первую очередь.

Тогда, в ноябре, все было для него ясно. Немцы вот-вот возьмут Москву, Красная Армия практически разгромлена. Он видел на дорогах огромные колонны военнопленных, разбитую сгоревшую технику. Но в полицию идти поначалу не хотел.

Начальник только что сформированной волостной полиции Шамрай, вращая белками глаз, объяснял Трегубу:

– Ты красный командир, и на тебя время можно вообще не тратить. Слышал, как я двоим лейтенантам, твоим приятелям, головы прикладом расколол? Думали, если с пистолетами, то герои! А вот хрен им! Мозги со стенок соскребали, а оба пистолета я себе забрал. Чуешь, что с тобой разговор короткий будет?

– Чую, – отозвался Трегуб, знавший про жуткую расправу с лейтенантами.

– Тебя прихлопнуть вообще пара пустяков. Подвесим за ноги на березу, и станешь мишенью для тренировки молодых. Кто быстрее тебе яйца отстрелит.

Полицай засмеялись, и бывший лейтенант Трегуб понял – так оно и будет.

– Чухайся и думай быстрее, – давил на него Шамрай, многое повидавший в жизни, умевший быстро определить, чего

стоит человек. – Большевикам и жидам служил?

– Служил...

– Теперь искупай свою вину, пока я не передумал.

Насчет расстрела главный волостной полицай пугал. В сорок первом у него еще не было такой власти, чтобы без разрешения всех подряд расстреливать. Немцы тогда с селянами заигрывали и без повода редко кого трогали.

Так бывший лейтенант Трегуб стал полицаем. В декабре, когда немцы потерпели серьезную неудачу под Москвой, он жалел, что перекинулся к врагу, но обратного хода не было. Как и остальные полицайи, он участвовал в расстреле евреев и местных жителей, заподозренных в нелояльности к новой власти.

В сорок втором году немцы снова уверенно повели наступление. Трегуб успокоился. Тем более служба в полиции приносила неплохой доход. У него на подворье появилось несколько коров, выдавали паек, ну и сам шустрил, не пропуская, что плыло в руки.

Место для засады Трегуб выбрал не случайно. Вчера вечером один из полицаев доложил ему, что видел с пяток посторонних, возможно партизан. Начальник полиции отнесся к сообщению равнодушно:

– То вчера было, а сегодня их след простыл.

Но патрули и засады выставлять полагалось в любом случае. Поэтому дороги в окрестностях ближайших деревень взяли под наблюдение. Трегуб просил еще людей, однако

Шамрай отмахнулся:

– У тебя пулемет и трое помощников. Справитесь, если что.

– А вдруг это парашютисты из НКВД? Мне кажется...

– Перекрестись, коли кажется! Примешь бой, а туго станет, дашь сигнал ракетами. Поможем.

Насчет отряда Бажана начальник волостной полиции имел необходимую информацию. Знал, что бывший директор совхоза на рожон не лезет, у него семья в отряде. А окружить партизанскую базу не так и сложно.

Больше беспокоили слухи о парашютистах, без которых не обошлась попытка взорвать эшелон и которые навели советскую авиацию на станцию, где скопились воинские составы. Так группа сержанта Орехова угодила в поле зрения волостной полиции.

Волостной участок насчитывал три десятка полицейских, но имел неплохую связь с соседними участками. Кроме того, мог рассчитывать на небольшой немецкий гарнизон. Начальник волостной полиции Шамрай предполагал действовать своими собственными силами. Он не ожидал только одного, что встреча с группой бойцов НКВД и партизанами произойдет так быстро и внезапно.

Четверо полицейских во главе с бывшим лейтенантом Трегубом заметили партизана-проводника Саню Гречихина, когда он перебежал дорогу. Расторопный семнадцатилетний парнишка не увидел засады. Зато почувствовал опасность сержант

Орехов, много чего повидавший с начала войны.

Слишком оживленно стрекотали сороки, рассевшиеся на вершине березы. У него не было бинокля, но сержант разглядел движение метрах в двухстах пятидесяти от группы, собиравшейся пересечь дорогу. В любом случае требовалось как можно быстрее уходить.

– Кажется, немцы или полицаи, – предупредил он остальных. – Ждать нам тут нечего. Толя, прикрой нас, если они откроют огонь.

Пограничник Толя Нагай кивнул и снял с предохранителя автомат. Группа бежала, пригнувшись, надеясь быстро пересечь открытое место.

Бывший лейтенант, а теперь заместитель начальника волостной полиции Геннадий Трегуб открыл огонь из «дегтярева». Одновременно начали стрельбу трое полицаев. Опыта они не имели, зато довольно точно опустошал диск Трегуб.

– В девку цельтесь, по ногам! – кричал он. – Это – радистка. Ее обязательно живьем взять надо.

Однако пуля настигла пограничника, бойца особого отряда НКВД Анатолия Нагая. Он бежал последним, отстреливаясь из «ППШ», и был ранен в ногу.

Анатолий добрался до кустарника на другой стороне дороги и сел, зажимая пробитую голень. Его быстро перевязали.

– Идти сможешь? – спросил Орехов.

– Смогу. Если надо, останусь вас прикрывать. У меня два диска и три гранаты.

– Нет, – отрицательно покачал головой сержант. – Нас не только прикрыть надо, но и увести погоню в сторону. Останется Снитко со своим помощником. Передай им две гранаты.

– А сам с радисткой пятки салом смажешь и бегом в лес! – буркнул Снитко.

– Я за радистку отвечаю, а прикрывать будешь ты.

– Могу и я остаться, – вызвался Саня Гречихин, мальчишка-проводник.

– Базар разводить не будем. Уходим.

Вверх взвились одна и другая красные ракеты: полицаи вызывали подмогу.

Помощник Снитко был вооружен ручным пулеметом, снятым с подбитого танка. Этот пулемет уступал «дегтяреву-пехотному» по прицельности, но партизан, прошедший службу еще в начале тридцатых годов, владел оружием хорошо.

Он не торопился открывать огонь, имея всего два диска по 63 патрона. Зато быстрыми очередями опустошил магазин трофейного «МП-40» Аркадий Снитко и толкнул помощника:

– Чего спишь? Стреляй.

– Куда? Полицаи подмогу ждут, не высовываются пока.

– Когда подмога заявится, нас с тобой в пять минут прикончат. Орехов удрал, а нас оставил – выпутывайтесь как хотите.

Пулеметчик промолчал. Ему не нравится, что начальник разведки постоянно трется при штабе отряда, где не надо сутиться, а в поиск направляет, как правило, молодых необстрелянных ребят. Сейчас он явно трусит, хотя прикрывать радистку, кроме них, некому.

– Орехов жук еще тот, – начал было снова Аркадий Снитко, но пулеметчик его перебил:

– Лучше помолчи насчет сержанта. Он до конца обязан радистку охранять. И парень он решительный. Тогда, на «железке», Орехов впереди бежал, а ты не спешил. Зато Карп Иванычу часы и трофейный пистолет в подарок притащил, чтобы выслужиться.

– Илье Карповичу! – осадил помощника Снитко.

Тем временем Трегуб, разглядев, что перед ними всего двое партизан, приказал троим полицаям обойти их с фланга.

– С минуты на минуту подмога должна подоспеть. Надо перекрыть отход.

Сам он перебежал с «дегтяревым» ближе к дороге. В решительности бывшему лейтенанту было не отказать, и «дегтяревым» он владел мастерски. Ровные очереди по пять-семь патронов шли точно, нащупывая цель.

Партизан-пулеметчик, стреляя в ответ, экономил заряды.

Ему приходилось также вести огонь по мелькавшим в траве полицаям. Снитко нервничал. Трофейный «МП-40» был предназначен для ближнего боя, на расстоянии двухсот метров пули шли россыпью. В цель он ни разу не попал, зато очередь из «дегтярева» снесла бугорок, за которым он прятался, а комки земли больно ударили в лицо.

– Меняем позицию!

Пока делали перебежку, едва не угодили под следующую прицельную очередь. Кроме того, активно наседали полицейские, приблизившись на сотню шагов. Один из них неосторожно приподнялся и, ахнув, свалился на бок, зажимая сквозную рану пониже ключицы. Партизан-пулеметчик послал пулю точно.

– Захара убили!

– Кажись, ранили...

– Перевязать бы надо.

Однако приближаться к раненому никто не рискнул. Зато усилил огонь Трегуб. Когда Снитко и пулеметчик делали очередную пробежку, бывший лейтенант достал партизана-пулеметчика. Две пули пробили ногу выше колена и раздробили кость. Раны были тяжелые, пулеметчик лежал, скорчившись, пытаясь остановить ладонями вытекающую толчками кровь.

– Аркадий, помоги...

– Сейчас.

Очереди из «дегтярева» и выстрелы двух винтовок ввин-

чивали над головой жуткий свист пуль. Одна рванула рукав бушлата, обожгла кожу. Снитко понял, что его напарник обречен. Если сам он промедлит еще несколько минут, то останется здесь тоже навсегда.

Командир разведки даже не сделал попытки забрать пулемет. Он быстро уползал прочь, подальше от страшного места. В рукаве хлюпала кровь. Это к лучшему. Никто не обвинит его в трусости. Он сражался сколько мог, был ранен и с боем отступил.

Полицаи окружили тяжело раненного пулеметчика. Трегуб наступил подошвой сапога на перебитую ногу. Партизан вскрикнул и открыл глаза.

– С вами радистка была?

– Перевяжи... ногу перевяжи.

– Оглох, что ли? Радистка куда побежала?

Тридцатипятилетний сельчанин не был героем. И в партизаны ушел, чтобы не быть угнанным в Германию. За четыре месяца пребывания в отряде он первый раз участвовал в бою и, кажется, неплохо повоевал. Сильная боль заставила его снова вскрикнуть – Трегуб вдавливал кованый каблук в пузырящуюся рану. Невыносимая боль отдавалась в раздробленных костях, глаза застилала красная пелена.

– Не надо... я ведь умираю.

– Кажись, и правда поддыхает, – вытер пот со лба один из полицаев. – Видел я радистку в военной форме, и еще один парняга рацию на спине тащил.

– Захар умер, – негромко объявил другой полицей. – Трое детишек осталось.

Вскоре умер и партизанский пулеметчик, а со стороны деревни подоспела подмога: человек восемь полицейев и комендантское отделение на двух мотоциклах. Ими командовал фельдфебель, который сразу понял важность предстоящего дела и связался по радиации со своим командиром взвода:

– Да, несомненно, люди из НКВД. Далеко они уйти не могли. Кого сумеем, постараемся взять живыми.

Если бы кто-нибудь мог взглянуть с высоты на происходящее, он увидел бы несколько групп вооруженных людей, мотоциклистов, бронетранспортер на дороге и одинокого партизана в кубанке со звездой.

Аркадий Снитко торопливо шагал в сторону партизанской базы, постоянно оглядываясь по сторонам и держа наготове автомат. Он думал лишь об одном – быстрее покинуть опасную зону, уже наверняка оцепленную немцами и полицейскими. Они сделают все возможное, чтобы не упустить советскую радистку.

Основное внимание направлено на нее, но не дай бог, если Аркадий попадет к ним в руки. Искалечат, выбьют все, что он знает, а что будет дальше – и думать не хотелось. Легкой смерти ему не ждать. Страх подгонял Снитко. Временами он переходил на бег, бухало сердце, и чудились чьи-то тени за деревьями.

Группа во главе с сержантом Ореховым шла медленно.

Задерживал движение раненый пограничник Толя Нагай. Радистка Дина Новикова натерла ногу кирзовым сапогом, но упрямо шагала, стараясь не показывать боль.

Костя Орехов тащил на спине четырнадцатикилограммовую рацию, пробитую пулей и, наверное, вышедшую из строя. Но бросать ее не хотел, зная, какую ценность «северок» представляет для отряда.

Проводник Саня Гречихин с винтовкой за плечами солидно козырнул Орехову:

– Товарищ сержант, надо бы шаг ускорить. Вороны вон в той стороне каркают. Наверняка фрицы или «бобики».

Такое прозвище получили на оккупированной территории полицаи. «Бобики», фашистские прислужники. Но воевать они умели и, что хуже всего, знали местность.

– Ускорим, раз надо, – ответил Костя, вытирая пот со лба.

Он тащил на себе самый тяжелый груз: самозарядную винтовку «СВТ» с запасными магазинами и пачкой патронов – шесть килограммов, пистолет и гранаты – три килограмма, плюс 14 килограммов рация с батареями. Орехов тоже устал, но держался крепко. В какой-то момент он понял, что вряд ли они сумеют оторваться от погони.

Мелькнула мысль: рацию разбить и остаться в прикрытии с Толей Нагаем. Шустрый проводник Саня Гречихин выведет Дину. А они, два опытных бойца, сумеют придержать немцев или полицаев. Но мысль эту сразу же отбросил: он

был обязан постоянно находиться рядом с Диной.

Самое тяжелое заключалось в том, что Орехов был обязан не только охранять ее, но не допустить любой ценой, чтобы радистку Дину Новикову, его любовь, подругу, взяли в плен. Перепоручить свои обязанности кому-то другому сержант не мог.

Костя сбросил рацию и несколькими ударами приклада разбил ее.

– Ускорить шаг, – отрывисто проговорил он. – Выход только один: оторваться от фрицев.

Теперь они шли быстрее, понимая, что от этого зависит их жизнь. И путь держали не в сторону партизанской базы, а делали полукруг, чтобы не привести в лагерь своих преследователей.

Такая гонка не могла продолжаться долго – это понимала вся группа. Раненый пограничник, не выдержав, обратился к Орехову:

– Костя, я кое-как плетусь. Из-за меня пропадут все. Останусь, задержу гадов хоть на полчаса.

Но полчаса ему продержаться не удалось. Толя Нагай успел расстрелять один диск и получил пулю в другую руку. Кое-как вытащил «лимонку», зная, что если его возьмут живьем, то легкой смерти не будет.

Полицай, видевший это, прицелился и закричал:

– Не дури, парень! Тебе еще жить да жить!

– А тебе на столбе висеть...

Щелкнул запал, а через несколько секунд раздался взрыв.

А вскоре преследователи догнали остатки группы Орехова. Стреляли, целясь по ногам, но Костя сумел уложить унтер-офицера и ранить одного из полицаев. Остальные открыли огонь, прижимая всех троих к земле.

– Саня, беги, пока есть возможность, – сказал Костя парнишке-проводнику. – Расскажешь нашим, как и что. Передай, что живьем они нас не возьмут.

– Не могу я, – сопел семнадцатилетний проводник. – Скажут, трусил.

– Беги, мать твою! Найдете нас потом. Быстрее!

Мальчишка надвинул поглубже кепку и, пригнувшись, побежал. Теперь стреляли в него. Одна из пуль расщепила приклад винтовки и выбила ее из рук. Он нагнулся, подобрал трехлинейку и, погрозив кулаком в сторону полицаев, не детски выругался.

Орехов уложил выстрелом в голову ефрейтора, разворачивающего пулемет «дрейзе» в сторону убежавшего парня. Второй номер тут же перехватил рукоятку и дал несколько очередей, целясь поверх головы советского сержанта в шапке со звездочкой.

Затем стрельба стихла и чей-то голос окликнул Орехова:

– Эй, сержант, с тобой немецкий офицер поговорить хочет. Он тебе обещает жизнь в обмен на радистку. Такое редко предлагают.

Дина рвала на клочки шифроблокнот и плакала.

– Не надо, Дина. Вот зажигалка, жги все обрывки. И плакать тоже не надо.

– Страшно, Костя. Они убивать сейчас нас будут.

– Прорвемся, – бормотал сержант, бросая клочки бумаги в огонь.

Он достал из кобуры «ТТ», взвел курок и положил рядом. Самозарядная винтовка «СВТ» была тоже на взводе. Лейтенант в серо-голубом френче поднялся из-за дерева. По-русски он говорил довольно чисто и дал слово немецкого офицера, что оставит обоих в живых, если они сдадутся.

– Девушку твою никто не тронет. Тебя отправят в лагерь, а если захочешь...

Орехов рассеянно слушал офицера, высокого, спортивно сложенного, в массивной каске с орлом и почему-то в перчатках, несмотря на теплую погоду.

– Все бумаги сожгла? – спросил он Дину.

Девушка молча кивнула и вытерла слезы со щеки. Костя обнял ее, поцеловал в губы.

– Прощай, – шепнул он.

– Постой, – невольно оттолкнула его Дина.

Выстрел хлопнул приглушенно, девушка слабо вскрикнула, тело ее обмякло. Офицер замолчал, не зная, что происходит. Догадавшись, хотел пригнуться. Костя с колена стрелял в него из «ТТ».

– Вы наших девушек гробите, а сами жизнь обещаете... жри, сволочь!

Расстояние в семьдесят метров далековато для прицельной стрельбы из пистолета, но Орехов угодил офицеру в лицо.

– Вот так, гады! – Сержант с пистолетом в руке встал в полный рост.

Ударило несколько выстрелов. И немцы, и полицаи целились русскому диверсанту в ноги. Офицер, зажимая простреленную щеку, кричал:

– Брать живьем!

Пули свалили Орехова на траву. Костя еще раз поглядел на Дину, ее белое неживое лицо, и, приставив пистолет к груди, нажал на спуск.

Первым в отряд вернулся Аркадий Снитко. Пробираясь через колючий кустарник, он разодрал бушлат и брюки, исцарапал лицо.

– Прикрывали... до последнего ребят и радистку прикрывали, – рассказывал он, жадно глотая холодную воду.

– Где Орехов и радистка? – тербил его капитан Журавлев.

– Стреляли, пока патроны были, – повторял Снитко. – Захара убили, меня ранили. Нас целый взвод преследовал.

Особист Авдеев осмотрел автомат главного разведчика, выдернул из-за голенища сапога запасной магазин.

– У тебя шестьдесят патронов к автомату осталось, «наган» и две гранаты. Крепко ты воевал...

– Крепко, – кивнул Снитко, дергающийся от пережитого страха и не уловивший открытой издевки в голосе лейтенанта. – Трех или четырех полицаев уложил...

– Шапкой, что ли, их закидал?

Врач Наталья Малеева тем временем обработала рану на руке Снитко и царапины от колючек.

– Опасная рана? – спросил Бажан.

Ему было стыдно за разведчика, который явно врал.

– Кожу сорвало и мышцу задело, – коротко отозвалась Наталья.

– Ясно... – протянул Авдеев.

Его тревожила судьба сержанта Орехова и радистки. К вечеру в отряд вернулся Саня Гречихин. Рассказал более-менее связно о том, что произошло. Но о судьбе сержанта и радистки он тоже ничего не знал.

– Я не струсил, – говорил Саня. – Меня сержант Орехов отослал. Я не хотел уходить, а немцы и полицаи нас со всех сторон обложили.

– Что с ними дальше было? – нетерпеливо перебил его Журавлев.

– Какое-то время стрельба была слышна. Костя Орехов велел вам передать, что живыми они фрицам не достанутся.

– Ладно, иди.

Оба отряда готовились к эвакуации. Если из четырех человек кто-то попал к немцам живьем, они сумеют выбить необходимые сведения. Мальцев ходил как потерянный. Он

знал Костю Орехова с декабря сорокового года, когда тот еще зеленым новобранцем пришел на их заставу. Все, нет Кости! Живым он не сдастся.

Два дня прошли в напряжении. Люди спали одетые, готовые вскочить по тревоге в любой момент. Часть партизан и пограничников постоянно дежурили в окопах по периметру лагеря. Все боеприпасы раздали на руки, а женщин и детей отправили на запасную зимнюю базу.

Несколько человек во главе с особистом Авдеевым сходили на место боя. Саня Гречихин вывел их точно. Кроме стреляных гильз и пятен крови, ничего не обнаружили. Тщательно осмотрев траву, лейтенант нашел горстку пепла.

– Шифровальный блокнот жгли, – предположил он. – Документов ни у кого с собой не было.

Саня обошел поляну, где приняли последний бой его друг Костя Орехов и те, кто был с ним. Потрогал пальцами след от пули на березовой коре, уже заплывший густой смолой. Эх, Костя... недолгая тебе была отпущена жизнь.

Через сутки пришли сведения от подпольщиков, что живым никто из группы Орехова в руки к немцам не попал.

Мальцев не знал, что тела сержанта Орехова и Дины Новиковой лежали на цементном полу в районном отделе службы СД. Одежду и обувь с них сняли и вспороли все швы, пытаясь отыскать шифры и документы.

Немецкий лейтенант, получивший ранение в том бою, пришел глянуть на русских диверсантов. Санитар сдернул с

них простыни и доложил:

– Обоих уже вскрыли. Русский убил радистку выстрелом в упор из своего пистолета, а потом застрелился сам. Варвар! Не пожалел даже девушку.

– Где ты видел жалость на этой войне? – отозвался лейтенант.

– Простите, господин лейтенант. Это он вас ранил?

– Да. Из того же самого пистолета. Где их собираются закопать?

– Вывезем за город и зароем где-нибудь на отдаленном пустыре.

– Положите их вместе, – сказал лейтенант. – Это можно сделать?

– Конечно. Пусть лежат рядом до самого Страшного суда. Возможно, они были близки.

Лейтенант оглядел еще раз безжизненные меловые лица юной русской пары и вышел из подвала.

Санитар, служащий СД, вздыхая, снова накрыл тела простынями. Он работал здесь полгода, раньше это было тихое место. Здесь он надеялся встретить победное окончание войны. Но боевые действия безнадежно затягивались.

Несмотря на неоднократные заявления о взятии Сталинграда, там, по слухам, шли ожесточенные бои. Наступление на Кавказ тоже продвигалось медленнее, чем рассчитывали. Неудивительно, что обострилась обстановка в тылу. Появились диверсионные группы и отряды из ведомства НКВД,

которым предписано развернуть самую беспощадную войну в немецком тылу.

Этот парень отстреливался до конца, хотя ему и радистке гарантировали жизнь. Но он предпочел смерть, не пожалев и свою спутницу.

Теперь за их смерть парашютисты будут мстить. У них не получилось взорвать эшелон, но они уничтожили броневаягон, убили восемь солдат и офицера, а затем навели бомбардировщики на станцию, заполненную войсками. Чего ждать дальше?

Глава 3

Охота на дорогах

Особист лейтенант Авдеев вызвал к себе начальника штаба отряда «Сталинцы» Лугового, начальника разведки Аркадия Снитко и в резкой форме отчитал обоих. Сначала речь шла о гибели людей из группы Орехова.

– Ваш подчиненный Аркадий Снитко не обеспечил отход и прикрытие группы. Когда погиб пулеметчик, он попросту сбежал, хотя имел возможность сражаться. С тех пор прошло четыре дня, а вы никак не отреагировали. Снитко по-прежнему возглавляет разведку отряда, даже хвалится, как смело воевал. Вас устраивает такой командир?

Юрий Евсеевич Луговой, бывший начальник арттехнического полка, также оказавшийся в окружении, находился в отряде Бажана с весны сорок второго года. Бажан гордился, что у него грамотный начштаба, закончивший в свое время военное училище.

Луговой сразу понял, чего от него хотят. Не вмешиваясь в дела командира отряда, наладил все положенные по воинскому Уставу учеты и документацию. Велся журнал боевых действий отряда, где премудрый капитан умело расписывал мелкие диверсии, обрывы телефонных проводов, расклейку листовок и выступления перед жителями сел. Бойкое перо

начштаба изображало все это как активные боевые действия против оккупантов.

Не брезговал он откровенной ложью. Несколько выстрелов, пулеметная очередь в сторону полицейского поста или проходящей автоколонны фиксировались как бои из засады. Приводились даже цифры вражеских потерь, из которых следовало, что немцам на дорогах приходится несладко.

Луговой и выглядел как начальник штаба подразделения: отглаженная офицерская форма, портупья, «шпалы» на петлицах, медаль «30 лет РККА», кобура с пистолетом «ТТ». Обвинения лейтенанта Авдеева он решительно отметал:

– Младший сержант Снитко получил в бою ранение, поэтому мы ограничились выговором. В целом он неплохой разведчик.

– Какой младший сержант? – взвился Авдеев. – Кто дал ему право носить военную форму после того, как он бросил свой полк и прятался полгода в тылу под бабским подолом? Впрочем, как и ты.

Сам Авдеев, служивший в особом отделе пограничного отряда в Прикарпатье, два месяца с боями выходил из окружения вместе с заставой Журавлева и остатками пехотных частей. Однажды, прикрывая отход своих товарищей, в одиночку взорвал немецкий бронетранспортер и перебил экипаж. Позже воевал под Москвой, получил второе ранение и войны хватил под завязку.

Капитан Луговой вытянулся, дрожащим от возмущения

голосом стал объяснять, что он честно выполняет свой долг и в тылу не прячется.

– Чем ты сражаешься? Карандашом и бумажками? Из-за трусости Снитко погибли хороший боец Орехов и радистка. А если бы фрицы захватили ее в плен? Соображаешь, что бы случилось?

Начштаба снова попытался что-то сказать в свое оправдание, но Авдеев, не терпевший лжи и трусости, уже закусил удила:

– Ты, Юрий Евсеевич, числишься начальником штаба отряда, значит, разведка в твоём ведении, как это определено штатами боевых подразделений. Так?

– Так точно, – осторожно отозвался неплохо разъевшийся грузный капитан с двойным подбородком.

– А я тебе скажу, ты свои обязанности хреново выполняешь. Доказать?

Виктор Авдеев, кроме прочего, прошел в свое время Польскую кампанию 1939 года, которая была отнюдь не легкой прогулкой, захватил бои на Карельском перешейке во время войны с Финляндией. За эти недели в немецком тылу он достаточно глубоко вник в оперативную обстановку, наладил связь с подпольщиками и местными жителями, готовыми помогать Красной Армии.

– Ты такого бойца, Рымзина Афанасия, знаешь? – продолжал лейтенант.

– Вроде припоминаю.

Заерзал, закашлялся начальник разведки Снитко, а капитан Луговой напряженно уставился на особиста. Сейчас он видел перед собой представителя грозного ведомства НКВД, которое безжалостно расправлялось с «врагами народа» и «военными заговорщиками» в 1937 году.

– Тебе известно, что двоюродный брат Рымзина служит в полиции, а сам партизан Рымзин, ничем себя не проявивший, только за последний месяц трижды навещал свою семью и родственников? Кстати, дом этого полицая находится рядом с подворьем Афанасия. Могли они встречаться?

– Могли... то есть нет. Рымзин Афанасий хороший боец, в комсомоле состоял. Сейчас по возрасту вышел, но с полицаями якшаться не станет.

– Ручаешься? – сощурил глаза лейтенант.

– Как можно за кого-то полностью ручаться? Война все же идет.

– Наконец-то вспомнил про войну, – хлопнул по столу ладонью Авдеев. – А где же ты раньше был, и кто отпускал Афанасия в гости к полицейской родне? Может, поэтому, когда мы пытались эшелон взорвать, вместо эшелона нарвались на броневаягон с патрулем? В тот раз два наших товарища погибли, если не забыл.

– Вызывайте командира, товарища Бажана, – замотал головой начштаба. – С ним разговор ведите.

И разговор состоялся. В нем участвовали Журавлев, Кондратьев, Бажан. Бывший директор совхоза Илья Карпович

Бажан вначале сам перешел в наступление. Напомнил, что его отряд сражается с фашистами более полугода, а товарищ Авдеев прибыл совсем недавно и, не успев оглядеться, обрушивается с какими-то непонятными обвинениями. Отряд, по словам лейтенанта, активности не проявляет, бездействует, а это оскорбление для всех партизан и партийной организации.

Капитан Журавлев был во многом согласен с особистом Авдеевым, но обострять до предела отношения с самолюбивым Бажаном не хотел. Оставив в стороне слабую активность отряда, предложил разобраться с начальником разведки Снитко и допросить Афанасия Рымзина. Аркадия Снитко командир отряда отстоял. Разведчик энергичный, добросовестный, а за неправильные действия предложил объявить строгий выговор.

– За трусость выговор, – усмехнулся Авдеев. – Далеко мы так уедем...

– Ладно, помолчи, – толкнул его Журавлев.

С Рымзиным ситуация вырисовывалась двусмысленная. Бывший совхозный бригадир Афанасий Рымзин занимал должность помощника командира взвода и был в приятельских отношениях с Бажаном. Оправдываться он не собирался и заявил, что посещал семью с разрешения командира отряда.

– Ну и что, если двоюродный брат полицейай? – уверенный в поддержке Бажана, заявил Афанасий. – Его силком туда

загнали. Когда я с ним встречался, прямо заявил ему, не дело, мол, в полициях ходить. Подумай хорошенько о своем поведении. Что думал, то и высказал, хоть он мне двоюродный брат.

Вдруг повисла тишина, значение которой до Рымзина дошло не сразу.

– А еще о чем ты с полицаем разговаривал? – негромко спросил Журавлев. – Наверное, за бутылкой сидели?

– Ну и что, если за бутылкой? – набычился здоровяк Рымзин. – Родня все же.

– Ты вопрос слышал? О чем еще с полицейской родней беседовал?

– О жизни, о войне... да мало ли о чем.

– А ведь это разложение, – заявил Федор Кондратьев. – Я считаю, у товарища Авдеева имеются все основания провести тщательный допрос подозреваемого бойца о связях с полициями.

Илья Карпович Бажан беспокойно поглядел на своего комиссара, инструктора райкома партии. Тот сидел с непроницаемым лицом, затем коротко высказался:

– Безобразие! Партизаны пьют водку с полициями и болтают невесть что.

Он первым понял, что руководство НКВД стремится в корне изменить благодушную обстановку в подразделении Бажана. Как бы самому не угодить под эту метлу. Лучше пусть занимаются дураком Рымзиным.

Чтобы расследование получилось объективным, в помощь особисту Авдееву выделили одного из старых, опытных партизан отряда «Сталинцы».

Результаты расследования если не ошеломили, то крепко встряхнули и командира партизанского отряда Илью Бажана, и многих его подчиненных. Оказалось, что Рымзин встречался со своим братом-полицаем довольно часто. Почти всегда за бутылкой, и после таких встреч бывший бригадир не мог толком вспомнить, о чем они вели разговор.

– Спорили, кто верх одержит, Красная Армия или ихний Гитлер.

– Ты, конечно, за Красную Армию агитировал, – усмехнулся Авдеев.

– Трудно за нее агитировать, – бесхитростно ответил Афанасий, имевший жену и двоих детей. – Немцы до Волги дошли, Сталинград по кирпичам развалили, на Кавказ прут.

На вопрос, вел ли Рымзин разговор о планируемых диверсиях на железной дороге, от простоты или сдуру, ответил утвердительно:

– Говорил я ему, что война в тылу не на шутку разворачивается. Паровозы под откос полетят, спецназ НКВД прибыл.

Проболтался Афанасий и насчет двух раций, имевшихся в отряде Журавлева. Теперь, мол, прямая связь с Главным штабом установлена. Старый партизан, помогавший Авдееву в расследовании, только головой покачал:

– Ведь ты, Афоня, получается, форменный предатель. Из-за твоей болтовни эшелон не сумели взорвать и группа радистов накрылась.

Афанасия Рымзина разоружили и посадили в землянку под охрану. Илья Бажан хитрил и не желал ссориться со своими людьми. Предложил Журавлеву как представителю власти самому решить вопрос с Рымзиным.

– Чего ты несешь? – вскинулся капитан. – У тебя комиссар, партийная организация, партизанский отряд. Ты и есть советская власть. Решай сам. А нас сюда прислали вести боевые действия против врага.

– Ну а что посоветуешь?

– Какие тут советы? И так ясно. Этого болтуна Рымзина за связь с полицаем и болтовню шлепнуть по решению вашего суда, а с Аркадия Снитко сорвать сержантские «угольники» и отправить на кухню дрова колоть.

– Насчет расстрела ты лишка хватил. Брожение в отряде начнется. Своих уничтожаем...

– Оно уже идет. Только я назвал бы это разложением. Сотня вооруженных мужиков отсиживаются без дела в землянках, водку пьют, шатаются по округе. Смотри, доиграешься, Илья Карпович. Тебя ведь немцы до поры не трогали, а сейчас, когда мы начинаем настоящую войну, все эти хождения по родне и беспечность могут боком выйти.

В те дни Журавлев принял решение готовиться к самостоятельной деятельности и в ближайшее время отделиться от

отряда Бажана. Он уже принял к себе после тщательной проверки десятков местных парней, несколько бывших красноармейцев, попавших прошлой осенью в окружение, и подыскивал место для нового лагеря. Старшина Будько налаживал каналы снабжения.

Но главное сейчас было нанести несколько первых чувствительных ударов по врагу. Только этим капитан мог укрепить авторитет особого отряда и привлечь на свою сторону людей.

Журавлев заранее обсудил план ближайшей операции с Федором Кондратьевым и особистом Авдеевым. Было решено железную дорогу пока не трогать. Пусть немцы немного успокоятся. Было решено устроить засаду на заранее приоткрытом участке проселка, где наблюдалось оживленное движение немецких автомашин и обозов.

Операцию возглавлял Федор Кондратьев. Заместителем назначили Николая Мальцева, а всего группа насчитывала двадцать три человека, в том числе восемь новых бойцов из местных.

Илью Бажана поставили в известность в последний момент, когда группа уже была сформирована. Командир партизанского отряда сделал вид, что обиделся:

- Могли бы со мной посоветоваться, воюем ведь вместе.
- Болтунов у тебя много, – заявил капитан Журавлев. – Не хотим, чтобы как на «железке» все повторилось.
- Так не пойдет, – мотал головой Бажан. – В операции

должны участвовать и мои люди.

– Аркашу Снитко предложишь?

– Давайте без подковырок.

– Хорошо. Берем Саню Гречихина, он паренек проверенный. И выдели хорошего пулеметчика с «дегтяревым» и запасом патронов.

– Что, только двоих человек из отряда возьмешь?

– Достаточно, – поддержал Журавлева особист Авдеев. – Сунешь полицейскую родню или героя вроде Аркаши Снитко, и накроется операция. Кстати, пока Снитко не уберешь, веры твоей разведке не будет.

Илья Карпович Бажан подковырку проглотил молча. Возразить было нечего.

А накануне вечером капитан Журавлев имел разговор с Авдеевым:

– Возьми пару-тройку ребят и сходи в деревню. Найди полиция, родственника Афони, и приведи его в отряд. Надо прощупать, с кем он полученной информацией поделился.

– Сделаем, – кивнул лейтенант. – Но в отряд его тащить необходимости нет. Разберемся на месте. Не возражаешь, Иван Макарович?

– Поступай, как сочтешь нужным.

Место для засады выбрали на повороте, где дорога, присыпанная щебнем, шла на подъем. Имелся соблазн установить противотанковую мину, но тогда оставалось надеяться

только на случайность. Если колонна будет большой, сразу после взрыва придется уходить.

Хотелось не только нанести врагу урон, но и разжиться трофейным оружием, боеприпасами, теплой одеждой и обувью. Особенно не хватало патронов и гранат. Они расходовались быстро, да и новички хоть и пришли с винтовками, но патронов принесли с собой всего по несколько обойм.

Группа из шестнадцати человек замаскировалась на месте засады, а четверо бойцов страховали дорогу с двух сторон. Их задачей было дать сигнал, если появятся другие машины или бронетехника.

Еще пятеро бойцов на двух подводах поджидали группу в лесу: погрузить раненых, трофеи, если таковые будут, и обеспечить прикрытие с тыла.

Два ручных пулемета, автоматы, винтовки – сильно не разгонишься. Имелись гранаты, но в скоротечном бою из засады их могли эффективно использовать только подготовленные бойцы. Местные ребята, недавно принятые в отряд, могли подорваться сами. Особенно на сложных в обращении гранатах «РГД-33».

Журавлев просил у Бажана станковый «максим», но тот отказал. Мало патронов, а кроме того, «максимы» – главный резерв в случае нападения карателей на партизанскую базу.

Капитан мог бы нажать покрепче и забрать один станковый пулемет, но, видя настрой Бажана, не настаивал:

– Охраняй свои землянки. Справимся и без твоего «макс-

сима».

Командир «Сталинцев» заметно терял авторитет. Особенно среди молодых, желавших сражаться с немцами партизан. Его осторожность постепенно превращалась в желание тихо отсидеться в глуши и не дразнить немецкие власти.

Когда Красная Армия перейдет в наступление, тогда ударят и «Сталинцы». Воевать сейчас Бажан не рисковал, опасаясь ответных карательных операций. В душе он желал, чтобы вылазка чересчур активного капитана и его людей закончилась неудачей. Они думают, так легко воевать с немцами в их тылу!

Ни Журавлев, ни Кондратьев так не думали. Они готовили своих людей к серьезному бою, который наверняка не обойдется без потерь.

Как важен был первый успех! Однако уже через час-другой стало ясно, что это непросто. Как правило, автомашины, перевозящие грузы, двигались небольшими колоннами, не меньше чем по пять-семь штук.

Их сопровождал либо вездеход с охраной, либо мотоциклы с пулеметами в колясках. Пулеметы устанавливались также на крышах головных автомобилей.

Иногда проходили одиночные грузовики. Но это была не та цель, ради которой, рискуя, находились в засаде два десятка бойцов.

Проследовала колонна бензовозов (восемь машин). Перед подъемом увеличили скорость два мотоцикла «Цундапп»

с пулеметами в колясках и остановились неподалеку от группы.

Огромные бензовозы «МАН» с массивными радиаторами и кабинами шли на подъем тяжело – цистерны были загружены под завязку, в каждой не меньше шести-семи тонн горючего. Николай Мальцев видел, как напрягся старший лейтенант Кондратьев, готовый дать команду открыть огонь.

Но, прикинув возможности группы, от рискованного замысла отказался. В каждом бензовозе два человека охраны, стволы автоматов наведены на лес. И самое главное – тяжелый броневедомитель «Магирус» с 20-миллиметровой пушкой, пулеметом и экипажем из пяти человек.

Колонну замыкали еще два мотоцикла. Большими потерями обернется нападение – немцы горючее стерегут крепко. Скрепя сердце Кондратьев пропустил колонну мимо, так и не дав команды.

Затем проследовали грузовики с солдатами, какими-то ящиками. Тоже неразумно затевать бой – солдат не меньше взвода. В какой-то момент Федор Кондратьев поймал себя на неприятной мысли – он не хочет рисковать, а значит, боится.

– Жаль, бензовозы упустили, – сказал он, обращаясь к Мальцеву. – Там с полсотни тонн горючего было, не меньше. Но охрана сильная.

Кондратьев ожидал, что сержант согласится с ним, однако Мальцев с вызовом ответил:

– Федор, мы в ста шагах от дороги лежим. Еще одна-дру-

гая колонна, и нас заметят. Люди устали ждать, головы высовывают.

– Ты считаешь, надо было ударить?

– Не знаю. Но я считаю, либо наносим удар, либо сворачиваемся и уходим. Ты же сам понимаешь ситуацию, Федор Прокофьевич. Чем дольше лежим, тем больше нервозности. А насчет потерь... Без них войны не бывает. Надо рисковать.

Кондратьев подозвал сапера Степана Пичугина:

– Слушай, Степан. Пока дорога пустая, бегом к повороту и установи с помощником противотанковую мину. Замаскировать успеете?

– Попробуем.

Рыжий сапер по прозвищу Воробей и его помощник быстро разгребли на обочине дороги щебень (здесь он был не такой укатанный) и опустили в ямку шестикилограммовую мину. Теперь самое главное – хорошо замаскировать ее.

– Машины идут, – дал сигнал наблюдатель.

Теперь пути назад не оставалось. Нападение состоится, будь там пять машин или пятнадцать.

– Кажется, снова бензовозы, – сказал, взглядываясь в бинокль, Кондратьев. – Наверное, на станцию эшелон с горючим пришел, торопятся разгрузить.

– Поможем, – нервно потирал руки Степа Пичугин, тяжело дыша после быстрого бега. – Жаль, на дороге «тарелку» врыть не успели. Заметят, гады. Но колесом все равно заденут, я на узком месте подарок установил.

Люди готовились к бою. Снайпер Василь Грицевич протирал затвор винтовки. Партизанский пулеметчик взвел затвор и передвинул планку прицела. Николай Мальцев положил рядом с автоматом две «лимонки».

– Не слишком большая колонна, – сказал он. – Везет нам на бензовозы.

Он промолчал, что вместе с дозорным мотоциклом во главе шести бензовозов движется броневедомитель «Хорьх», а позади колонны пылит еще один мотоцикл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.